

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

О РАТНОЙ СЛАВЕ ПОЛКОВ СИБИРСКИХ

Рисунок А. Заплавного

Задолго до того, как Томск стал центром губернии, вдвое превосходившей размеры Франции и втрое — Пруссии, в 1711 году был образован Томский мушкетерский, иначе — мушкетный (он же впоследствии линейный, пехотный, стрелковый) полк. (Далее шел порядковый номер полка, но и этот номер не единожды менялся.) Основные свои, “зимние”, квартиры томские мушкетеры поставили на Подгородной елани (стадион “Труд”), а для “летних” приискали угоднее место за городом, в таежном бору на Томском уступе. Железный наряд Федора Еремеева-Позары когда-то расчистил здесь “плешину” для своей домницы, пробил в разные стороны лучи (тропинки). Солдаты плешину ту расширили, превратили в плац для строевых учений, а пообок натянули пологи. Сделали спуск к воде. И зажил “муштровым распорядком” новый военный лагерь Сибири. (Отсюда название Лагерный сад.)

В 1807 году под Фридландом в сражении с уланами и драгунами Наполеона томские мушкетеры получили первое боевое крещение. Это была еще не освободительная война за Отечество, но солдаты знали: если вовремя не остановить завоевателей, они, как когда-то монголотатарские полчища с востока, хлынут на Россию с запада.

Особо отличился под Фридландом знаменщик Томского полка унтер-офицер Старичков. Он постоянно оказывался на самых ожесточенных участках батальи, появлением своим вселяя силы в товарищей по оружию. Несмотря на мужество сибиряков, полк был окружен. Но и тогда Старичков, получивший более десяти штыковых и огнестрельных ран, “не уронил знамени”. Лишь когда рядом не осталось товарищей, способных к бою, он спрятал дорогое полотнище у себя на груди. Умер Старичков в плену — на руках однополчанина Чуйки. Чуйке и передал он полковое

знамя, а тот изловчился переправить его к своим с русским офицером, обмененным на француза.

Томский пехотный полк вновь получил свой боевой стяг. Весть об этом облетела всю русскую армию.

В 1812 году на защиту Отечества поднялась вся страна, в том числе и сибиряки. Они собрали для нужд армии около полумиллиона рублей, а сверх того продовольствие, шерсть, серебро. Сохранился характерный документ того времени — сообщение томского вице-губернатора в вышестоящие инстанции: “Вдова подпоруческая жена Татьяна Кошкарева словесно объявила, что она имеет у себя еще никуда не определенного сына Михаила 16 лет... а ныне жертвует его... для прохождения воинской службы на вечное служение в армейские полки... ныне Михайло объявил такое же желание”. Сибирь выставила против Наполеона 26 тысяч воинов. Так уже бывало прежде — при Кузьме Минине и Дмитрие Пожарском, когда в русское ополчение влилась “сибирская многая рать, с татары и казаки и стрельцы” под водительством царевича Араслана. Так было при Петре I, когда при Полтаве не без “доброй помощи сибирян” “раздирались ряды гордого неприятеля”. Войска Александра Суворова, одержавшие немало освободительных побед, тоже знавали сибиряков.

(В Томске есть улицы, названные в память о тех походах именами Минина, Пожарского, Суворова, а затем и Кутузова. Есть Полтавский переулок.)

Наиболее ярко героизм русского народа в Отечественной войне 1812 года проявился “в деле при Бородино”. Вместе с четырьмя другими сибирскими подразделениями участвовал в нем и Томский пехотный полк. Корпус сибиряков (Сибирский, Томский, Иркутский полки) был поставлен в центре Бородинского поля, у высоты Курганной при главном редуте, укрепленном 18 орудиями. Заряжающий одной из пушек, знаменитый лермонтовский “дядя”, поведает молодым солдатам позже:

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий

Французы двинулись, как тучи,

И всё на наш редут.

На батарею обрушился огонь 170 вражеских орудий. Это значило: одна русская пушка на центральном участке боя противостояла девяти французским.

В критическую минуту Бородинского сражения после третьей атаки Наполеона валы редута заняли солдаты 24-й пехотной дивизии. В первых рядах атаковали неприятеля томичи. Под барабанный бой они вновь и вновь поднимались врукопашную.

Во время одной из атак осел на землю смертельно раненный полковник Манахтин. Солдаты уложили его на носилки и хотели перенести в безопасное место, но Манахтин воспротивился этому, велел поднять носилки повыше, чтобы батарейцы

увидели впереди, у боевого знамени, своего командира.

Не его ли с грубоватой нежностью помянет в рассказе о Бородинском сражении старый солдат?

Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам...

Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

Сибиряки не дрогнули, последний натиск сломленного неприятеля отбили.

Две трети Томского полка вместе с другими русскими воинами полегло в том незабываемом бою.

А через 130 лет в другой Отечественной войне русского народа — в Великой — на Бородинское поле вышла 32-я Сибирская Краснознаменная стрелковая дивизия под началом выпускника 25-й Томской пехотной школы командного состава Виктора Ивановича Полосухина.

В честь защитников главного редута у дороги Бородино-Семеновское установлен обелиск — один из сорока трех на историческом поле. Неподалеку от него — в честь воинов 32-й Сибирской Краснознаменной стрелковой дивизии высится монумент из черного гранита. Два этих памятника объединены подвигом сибирских воинов. Они говорят о том, что любовь к Отечеству, понимание гражданского долга не имеют границ ни в пространстве, ни во времени.

г. Томск.